

ВАДИМ
ПЕРЕЛЬМУТЕР

ДНЕВНИК

КНИГА СТИХОВ

ВАДИМ
ПЕРЕЛЬМУТЕР

ДНЕВНИК

КНИГА СТИХОВ

ВАДИМ
ПЕРЕЛЬМУТЕР

ДНЕВНИК

КНИГА СТИХОВ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1985

Художник Игорь БАБАЯНЦ

Перельмутер В. Г.
П 27 Дневник: Книга стихов. — М.: Советский писатель, 1985. — 88 с.

В первой книге Вадима Перельмутера — стихи-раздумья, стихи, которые можно отнести к жанру философской лирики. Форма стихов В. Перельмутера строгая, в традиции русского классического стиха.

П 4702010200—010—214—85
083(02)—85

ББК 84. Р7

© Издательство «Советский писатель», 1985 г.

I «КАКОГО
ЦВЕТА
МОРСКАЯ ВОЛНА?..»

* * *

Чем отмечен стих, дабы служил начальным,
Дверь обложки открывающим мгновеньем?
И какое может выглядеть венчальным,
Книгу заключающим стихотвореньем?

Как пейзаж, не уместающийся в раме,
Или музыка, растущая кругами,
Так и книга начинается стихами —
Равно как и завершается стихами.

Параллельно, расходясь, сходясь крест-накрест,
Не рифмуясь, возвращаясь в рифму снова,
Амфибрахий, дактиль, ямб, хорей, анапест
Так живут, И нет и не было иного.

Даже мысленно — бескрыла и печальна
Ограниченность любого промежутка.
А готовность сделать это специально, —
В лучшем случае, ошибка. Или шутка.

МАРТ

На исходе зимнего блаженства,
Где излишня всяческая прыть,
Этот мир далек от совершенства.
Слава богу, значит, можно жить!

Нетревожна эта плоть живая,
Где преобладает черный цвет,
Ни полстолька не подозревая,
Что его в природе вовсе нет!

Он по воле прошлого столетия,
Свет разъявшего, как вещество,
Противопоставлен семицветью.
Да не отрицает ничего!

Этот март, зовущийся весной
Больше по привычке, чем всерьез,
Нынче ролью наделен двойною
И едва до третьей не дорос:

Первое, прозрачное значенье —
Просто знак, такое-то число;
А его второе назначенье —
Отчеркнуть собою, что прошло, —

Чтобы ты осталась там. И чтобы
В сетке чуть приметного дождя
Пористые темные сугробы
Оседали, в землю уходя.

ВОДА

И январь, и февраль были днями
Незамерзших, замедленных рек.
Но растаял невыпавший снег
И пролился дождями.

Это длилось не день и не два,
А четыре апрельских недели.
И, проснувшись, деревья старели —
Не завязывалась листва.

Было время свободной воды,
Разделяюще властной стихии.
И казалось в минуты такие,
Что еще далеко до беды,

Что нехстати тревожит разладом
То ли дождь, то ли снег,
Что в запасе не вечность, но — век,

И следили рассеянным взглядом
В направление минувшей зимы
Эти искрами по ветру миги...
Но проходит не время, а мы,
Как в древнейшей записано книге.

БОЛЬНИЦА

Три месяца другая жизнь была,
Не замкнутей, но как-то оборонней.
Я привыкал глядеть как посторонний
Сквозь кривизну оконного стекла.

Неторопливо и без напряженья,
Отъединившись, да наедине,
Закономерность внешнего движенья
Все очевидней становилась мне —

Затем что не был увлекаем ею
И размышленья были холодны...
Возможно, что со стороны — виднее.
Но мало что поймешь со стороны.

Была зима. И средь морозных правил
Единственное удалось прочесть:
Что все мое останется, как есть,
Вернее, так, как я его оставил.

Мне, как диагноз, что необходим
Для сколь-нибудь успешного леченья,
Способность эта — передать другим
Не ношу, но одно лишь облегченье.

И все пронзительней день ото дня,
Что в том вселенского порядка сила —
Что все происходило без меня,
Как будто вовсе не происходило.

ТРОПА

Тот каменный дом под горой,
Лишь в полдень исполненный света,
Минуемый здешней жарой
На всем протяжении лета...

Под утро, почти в темноте,
Хозяев не беспокою:
Ступени сбегаят к воде,
А далее путь — над водою,

Как часто бывает во сне
И вовсе не часто — на деле...
Еще не осела во мне
Усталость движения к цели,

Еще не свершилась строка,
Живущая только изустно,
Еще по недавнему руслу
Взбирается в небо тропа...

Дыханье трудней и короче,
И мне среди этой поры
С горы говорить с тобой... Впрочем,
Твой дом у подножья горы.

ВЕЧЕР

Последний миг до наступленья сна
Вмещает все, что днем происходило,
И что вечерним ветром охладило,
А темнотою сделало видней...
Чуть мутная озерная волна

Кончается у каменных ступеней,
Дробятся в медленном ее кипенье
Небесных отражения огней...

Мое занятие — только называнье
Вещей и дат, событий и времен.
И если слово не предотвратит
Грядущего — оно ли в том повинно!
Вот этот день, который завершен, —
Еще не сон и не воспоминанье,
А настоящему принадлежит
Никак не меньше, чем наполовину.

И может быть, беда невелика,
Когда по завершении труда,
Как будто беспокойная вода,
Живая речь окажется неточной...
А ежели взглянуть издалека,
То и оттуда зримы и слышны
Неистовства лягушек и луны,
Концерты светомузыки полночной...

Но это было после. А сейчас
Коснуться не решаюсь ничего
И не творю изображенья вместо
Того, что есть. Бессилен пересказ,
Поскольку обстоятельность его
Для сущего не оставляет места.

Последний миг до наступленья сна
Вмещает все, что днем происходило.
Чуть мутная озерная волна
Мне жажду утолила.

НА ВЫРУБКЕ

На вырубке после грозы
Прозрачная гулкость колодца.
Твой медленный шаг раздается —
Как бьют в отдаленье часы.

Недавнего леса колонны
Отсюда уже увезли.
Лишь облачки жизни зеленой
Повисли у самой земли...

Мне вспомнилась древних учений
Восточная точность письма:
Быть может, в цепи превращений
Очнется музыкой сосна!

Бездомные души растений
Озвучат наш каменный дом
И даже останутся в нем
На пять или шесть поколений...

Но мы и теперь не одни
В беззвучном напеве...
Здесь влагой набухшие пни,
Где только что были деревья —
И тени остались от них.

ЗАКАТ

За какие заслуги даны эти легкие дни?
Эта еле звенящая позднего августа медь,
Отразившая свет? Только то, что сокрыто в тени,
Нелегко разглядеть. И не легче того — не глядеть.

Ну, а то, что увижу, едва ли в словах передам —
До того в этом мире движение и звук сплетены:
Не про чью-либо руку скользящий рисунок волны,
И не хватит дыхания — прибор повторять по складам.

Под несуетный рокот непереволимых речей
Незнакомым становится он и почти неземным.
Надвигается тень на привычный порядок вещей.
Это Черное море сливается с небом ночным.

Остывающий берег безлюден и плавно покат.
Расставанием с вечером он, как и я, завлечен.
И похоже на то, что уже миновавший закат —
Вроде напoминанья, неясвенно, впрочем, о чем?

Потому что я знаю навярное, что ничего
Разделять на вчера и сегодня не стоит труда,
Ибо, что продолжается, все началось не тогда,
Когда мне повезло осознать и заметить его.

МЕТРО: «СОКОЛЬНИКИ» — «ПАРК КУЛЬТУРЫ»

Столичные недра признали свое поражение
И прежней дремоты уже никогда не вернут.
Прогресс — это прямолинейная скорость движения.
Невиданное и неслышанное достижение:
От парка до парка — всего восемнадцать минут.

Для первого раза тот выбор весьма необычен,
Особенно если глядеть на него сквозь года —
Туда, где считается всяческий праздник рабочим,
Непраздным, и где человек отдыхать не обучен,
Но в парке Центральном призывно цветет резеда;
Можно галстук носить очень яркий
И быть в шахте героем труда!.,

Еще сохраняется в воздухе привкус металла,
Новейшей истории — лишь восемнадцатый год,
Внушающий всем, что вот-вот начинается взлет...
А чтобы сравнение с прошлым нагляднее стало,
Последний извозчик на общую радость поет:
«Чтоб запрячь тебя, я утром отправляюся
От Сокольников до Парка на метро...»

Но вот завершается пятое десятилетье
С тех пор, как впервые проложен подземный маршрут.
Незримо состарились песни и скорости эти.
И словно бы только одно неизменно на свете:
От парка до парка — всего восемнадцать минут.

ЦВЕТ

Творить имена и дарить имена
Всему, что вокруг, вольны...
Какого цвета морская волна?
Цвета морской волны.

Какого цвета июньский лес?
Цвета июньских лесов.
А над головою — скальный отвес,
Обломок сорваться готов.

Приходится так осторожно ступать,
По мокрым камням скользя!..
Нельзя ничего, не убив, назвать,
И не называть нельзя.

А главное — не исказить ничуть
Предмета единственный цвет.
И выхода нет — есть только путь.
И выбора тоже нет,

ПРИЛИВ

Апогес... А море...
Идет вековая игра
Драгоценных созвучий.
И волны любви,
Как и позавчера,
Набегают на берег сыпучий.
И я заплываю,
Откуда людей
Повсюду не видно,
Где после заката
Так небо покато
И близость огней
Из созвездья Дельфина
Сулит превращенье,
Где взлет и паденье:
Апогес... А море... —
Словами,
Ушедшими с губ,
Растворившись в минувшей минуте...
И длится прилив —
Совпадение
Звука и сути.

ЗЕРКАЛО

1

Мы дорожим одним текущим днем
И в заблужденьях, как ни в чем, упрямы.
И потому порой самих себя мы
На фотографиях не узнаем.
Но я, как будто стих дробя на слоги,

Которые вне ритма — звук пустой,
Пытался разгадать природу той
Зеркально отпечатанной тревоги, —
Покуда с зеркалом наедине
Не уловил и осознал впервые,
Что зеркало показывает мне
Иной портрет, чем видят остальные,
Что за полмига до того, как взгляд
Встречается с собой — куда же деться! —
Черты лица такими норовят
Предстать, которые привычны с детства,
Которые со мною наравне
Менялись ежедневно и помалу,
Которые созвучны глубине,
Иначе говоря, оригиналу,
Которые у прочих на виду
Спешат принять другое выражение...
В моем с тобою нынешнем году —
Зеркальному подобно отраженью —
Для чуждых глаз прикрашен наш союз,
И длительность его не упрочняет,
И странно ли, что круто сторонюсь
Всего того, что боль мне причиняет!..

2

В послушливой памяти что ни храни,
На сорок шагов отдалясь от рожденья,
На прошлые и на грядущие дни
Опора — классический род заблужденья.
И фотобумага являет черты,
Не броские ни красотой, ни уродством:
Знакомы — но все же как будто не ты;
Похож — но каким-то безжизненным сходством.
А в зеркале я — совершенно не тот,
Кого припечатал волчок объектива

Врасплошным миганьем. И кто разберет —
Которое из представлений правдиво?
Загадочность зеркала, видимо, в том,
Что нам оно кажется проще простого,
Но словно таится до времени в нем
Любому — двойник, ожидающий зова
В стекле проявиться и до мелочей
Тебя повторить в этой раме и драме,
Где ты же — и зритель. Но образ ничей
Не запечатлется на амальгаме.
Недаром, едва чья-то жизнь истекла,
Осыпалась до лепестка и листочка,
Тотчас занавешивают зеркала —
Дабы не удваивалась оболочка...
Однажды заметить сподобился я,
У зеркала с женщиной встретившись взглядом,
Что нас отражает оно, хоть и рядом,
Но еле заметной чертой разделя.
И в жизни, где поводы есть опасаться,
Что прожитое оказалось не в счет,
Порою нельзя даже в мыслях касаться
Того, к чему прикосновение жжет.

ЛЕС

Мы наблюдали на своем пути,
Как, перегородив собой аллею,
Врастают в землю ветви, тяжелея,
Дабы затем стволами прорасти;
И то, как сквозь листву сочится медный,
Весомый свет; и, ото всех таясь,
Сближает нас взаимная боязнь,
Да и тропа уже едва заметна;

И слышно, как плотнеет тишина,
Сгущается под нами и над нами,
Сплетаются ветвями и корнями
В единый лес из одного зерна...

Наверно, это все-таки везенье —
Когда пути как будто вовсе нет,
В какое-то внезапное мгновенье
Из чащи выйти на зеленый свет —
Туда, где луч на волнах полусонных
Дробится и вода полным-полна
Огней неуловимых и зеленых,
И после на губах горчит она.
А сзади лес по берегу струится,
Надежный кров от зноя и дождя,
Где ничего не стоит заблудиться,
До половины путь земной пройдя.

БАЛЛАДА ПЕРЕЛЕТА

Кончается стопамятное лето.
Уж солнце краем запада коснулось,
И выходить из дома без пальто
Не стоит, право, — можно простудиться
И заболеть. И с каждым днем все ниже
Успевшее отцвести и выцвести небо,
И по ночам пронзительные ветры
С него срывают и срывают звезды,
Сентябрьски тяжелеющего сада
Плоды, и оземь их с размаху бьют!..

Вот городок, который мы с тобою
Гуляющим, неторопливым шагом

За два часа могли бы обойти,
И на базаре пыльная старуха
Нам задарма дала бы горсть орехов
И долго пересчитывала сдачу,
Перебирая горстку медяков...

Вот городок, заброшенный в предгорье,
Где я живу случайно... Нет, не то!
Где я живу легко и перелетно.
Где не живу. Где только передышка —
И мне дано свободное дыхание
Найти и тут же снова потерять...
Придет черед — и приземлится птица,
Меня усадит между мощных крыльев
И унесет на запад, на закат...

Пора! пора!.. Но отзывает эхо:
Еще не время, нет, еще не время,
Еще осталось несколько часов...
Над улицей неслышно ходит осень
И медленно выпутывает листья
Из тополиных сетчатых ветвей.

ПЕРЕД ЗИМОЙ

Перед зимой бывает час,
Когда особенно красивы
Изломы, вывихи, извивы
Всего, что окружает нас.
Для тех, кто это может видеть,
Для первых настает зима.
И лишь неправильность письма
Способна уберечь — и выдать.

А рядом — прямизна колеи,
Накатанных колесным слогом,
Где Фавна именуют богом
Лесов и, кажется, полей,
Где тьмы непроходимых истин
Загромождают путь к одной,
Затем, чтобы душе прямой
Он стал вернее ненавистен.
Как будто жизнь напряжена
Не тем, что всякое мгновенье
Не повторенья, но творенья
Взыскует от живых она!

БАЛЛАДА РИСУНКА

Вот белый лист — перечеркни его.
До половины — снег. А выше — небо.
Все остальное мы легко представим:
Тропу в снегу, и дом среди равнины,
И солнечный — за пеленою — диск.

А стоит захотеть — через мгновенье
Увидим тот же мир совсем иначе:
Сходящиеся строчки двух следов,
На самом деле — строго параллельных,
Но соблюдать законы перспективы
Им велено, и нам они внушают,
Что обязательно пересекутся —
Вон там, куда не достигает взгляд...

Или еще... Но нет, пожалуй, хватит.
Зачем нам это надо — дознаваться:
Куда еще нас может завести
И где прикажет нам обосноваться

Обманчивая легкость белизны
Рисунка, января, стихотворенья...

А чтобы осень как-то скоротать,
Начнем сначала, совершим попытку
Все тот же дом среди равнины той же
Отгородить от горизонта лесом
И заодно подвесить над трубой
Стоячий дым, поскольку день безветрен...
Однако не выходит ничего.
И не получится, как ни старайся!
Хотя, казалось бы, совсем нетрудно
Увидеть то, что хочется увидеть
Сейчас... Но точно так же невозможно,
Как эти вот слова зарифмовать.

СХОДСТВО

Ледяная пора так привольно и мерно текла.
Чуть не в полдень темнело. И улицы были безлюдны.
Но когда проявляются первые знаки тепла,
Вот тогда в них поверить бывает особенно трудно.

Пусть, что будет, известно доподлинно и наперед,
А из всяких движений привычней всего круговое,
Но поди примиришь, что не ты, а тебя что-то ждет,
Неприметно сгущаясь вон там, над твоей головою.

И когда невзначай, ни с того ни с сего вовлечен
В разговор ни о чем или так, в осужденье погоды,
Остается поверить примете, что все это он —
Лишний день, покачнувший весы високосного года.

А возможно, что это назревший души передел
Вызывает теперь обостренное чувство сиротства.
Если вдруг получается именно то, что хотел,
Оттого и не можешь узнать, что немислимо сходство.

Нынче этот скупой, городской, неприкаянный лес,
Между снегом застыв и теплом, не имеет названья.
Ну да все-таки он, и притом безо всяких чудес,
Возвращает тебе замечательный труд узнаванья,

Без которого, в сущности, не было смысла и нет
В обнаженной земле, подступающей к самому дому,
Где уже обозначен еще не дочерченный след
Разъединственной жизни, которая так незнакома...

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ПУТЕШЕСТВИИ

Порыв

В том городе с названием святым,
Вдвойне святым, на полных две эпохи,
Мы так спокойно, медленно гостим,
Что непричастны общей суматохе —
Не потому, что это суета,
А просто потому, что нет причины,
И даже вьюги взрыв и слепота,
Когда тропю служит след машины...

В том городе потомственных дождей
На пустырях пространных площадей
Мы правила движенья нарушаем,
И остается неглубокий след,
Да и его довольно скоро нет,
Поскольку с неба снег неиссякаем,

Нам не впервой, конечно, там бродить,
И все, что не сумею объяснить,
Я после напишу и нарисую...
В разладе с мыслью пребывает глаз,
Быть может, потому, что всякий раз
В Исаакий, словно в комнату чужую,
Я как-то не решаюсь заходить...

В том городе, чья каменная плоть
Линейкою сухого геометра
Прочерчена... Не приведи господь
В другой земле порыв такого ветра!
А впрочем, ветры злей, когда — свои...
Прямые, напряженные деревья
Широким взмахом ветви занесли.
И в них заметно — только на мгновенье! —
Земли и неба соприкосновенье
И расстоянье неба от земли.

Двойник

Подхваченный полуночным теченьем,
Мой тополь поднимается со дна,
И достигает моего окна,
И заполняет сдержанным свеченьем
Пространство между дверью и столом
Той комнаты, где мы с тобой вдвоем.

Наверно, не по своему решению
Он от себе подобных отчужден.
Какое знает утешенье он?
А может быть, не надо утешенья,
Когда вполне достаточно того,
Что мы с тобою сторожим его
Большие неспешные раздумья

И, не переводя на свой язык,
Их принимаем в тот же самый миг,
Едва коснулись... В пору полнолуны
Он, наш двойник, раздваиваясь в нас,
Бормочет бессловесный свой рассказ
О том, что нет селений тополиных,
Иначе именуемых — леса.
Не уповая на других, он сам
На протяжении дней своих недлинных,
Почти таких же, как у нас с тобой,
Но только с перерывом на безлистье,
Вершит спокойный, одинокий, свой
Неповторимый путь, на месте стоя,
Врастая в землю... Но не в том же суть,
Чтоб дальше всех шагнуть и заглянуть!

Познание не ведает корысти.
Оно само — награда и судьба,
И всяким начинается с себя,
Как будто это — самое простое!..
И темнота захватывает дух.
И все. И тополь за окном потух.

Праздник

1

Пока не начался рассвет
С неуловимого усилья,
Как будто не было тех лет,
Которые, конечно, были.

Хранило наши времена
От всяческой недоброй вести
Твое кленовое предместье,
Незыблемая тишина.

Мерцанье общей сигареты
Усугубляло ясный мрак.
И внятно было слышно, как
Дышали в комнате предметы

И набухала ночь, как плод
В стремительном к земле полете.
Казалось, длился целый год
Вот этот праздник легкой плоти.

Когда же завершался он,
Земля, качнувшись, уплывала.
Ты умирала. Воскресала.
Вдыхала. Уходила в сон.

2

А что же дальше? Ничего.
Не для того творился праздник,
Дабы потом, в раздумьях праздных,
Ждать продолжений от него.

Когда неясными огнями
Остались позади дома
И галактическая тьма
Уже лежала между нами,

Не ведая, что вышел срок,
Перекликался удивленно
Аэродромный мой сверчок
С твоим домашним, подоконным.

Был беззащитен и несмел
На шумном перекрестке века,
Но голос сохранить сумел —
И донести до человека.

Рассеивал мою беду
И разрежал времен поспешность...
Пусть тебе приснится нежность.
А после я к тебе приду.

После

Стояли праздничные дни.
Творилось нечто в этом мире,
Он словно становился шире...
Теперь взгляни:
Там, на опушке отдаленной,
Бормочет прошлые слова
Такая разная листва,
От обгорелой до зеленой.

Стояли праздничные дни,
Была такая четверть года,
Когда и люди, и природа
Разделены, разобщены.
Стояли праздничные дни.
И в землю падали отвесно!..
И наконец, еще один,
Последний праздник — праздник вод.
А в завершение неизвестно
Откуда взявшийся дельфин
Перевозил тебя на тот,
На противоположный берег...
На неодушевленный берег,
На недоглядный край земли,
Где все живое без остатка
Растворено в земной пыли,
Где не оставить отпечатка
Шагов, дождями дни прошли,

Печальные деревья в ноябре,
Безлиственные выкрики земли,
Сгущающийся воздух рассекли
Одним усилием и почти без боли.
Однако в их мертвеющей коре
И пристальному взгляду не найти
Малейшего желания уйти
Неслышно наступающей неволи.

Нигде подобий не ищу ничьих.
И не брожу нигде я для того,
Чтобы найти лазейку в забытье...
Но вязнет звук. Но эхо не ответит —
Откуда я возник среди живых?
Как быть мне тут? Зачем? И для кого?
Все, что в руках держу, то — не мое.
А что мое на этом белом свете?

На белом свете, здесь, где проступить
Любым поступком — значит преступить
Границу равновесия вселенной,
Которой дела нет до нас с тобой,
И свой порядок — нашею ценой! —
Она без нас продолжит непременно.

Две колеи на утреннем снегу.
Две птицы на графитовых ветвях.
Два дома на вертящемся кругу,
Верней — на шаре, обжитом и древнем.
И — ничего, внушающего страх.
И, медленно отсчитывая дни,
Я бормочу: судьба тебя храни
В твоём аду, простом и повседневном...

СПУСТЯ ПОЛГОДА

Прикасаюсь невеленной темы
Осторожно и не наугад.
Это значит, что нынче не те мы,
Что каких-то полгода назад.

Состояние, в общем, простое.
Только я постигаю с трудом
Абсолютную меру покоя,
Этот путь ни пешком, ни бегом.

Лишь доносится из отдаленья
Звук вполне отзвучавших речей.
Этот опыт, достойный забвенья,
Называется жизнью моей.

Он изрядно истаян, истоньшен
И в тебе сознает свой предел.
Но пока что еще не окончен
И не полностью окаменел,

Не отвык ни от сна, ни от жажды
И признает Оленьи пруды,
Где случилось очнуться однажды,
Оступившись у самой воды,

Где вершит круговое движенье
Над еще не начавшимся льдом,
Где, быть может, пруда назначение —
Удвоенье всего, что кругом.

ТЕРПЕНЬЕ

Побыть хоть месяц одному —
Весьма полезно для здоровья
Душевного. Одно условие:
Покой на службе и в дому.

И книжек стопка в изголовье
Растет. Но, судя по всему,
Терпенье надобно воловье,
Чтоб разобраться, что к чему, —

И только на исходе срока
Дойти от устья до истока,
Где не дается ничего
Без ранней или поздней платы.
Но столько горя принесла ты,
Что мне и не поднять его.

НА ТЕМУ ДОН КИХОТА

В самую что ни на есть красу
Летнюю, как будто на весу
Или же в прицельном перекрестье,
Стал я задыхаться и в лесу,
Спотыкаться — и на ровном месте.
Стало быть, дождался наконец
Состоянья, что всему венец, —
Думалось, минует, не посмеет...
Это с ветки падает птенец,
Возомнивший, что летать умеет.
Если взять и воротить в гнездо,
Все же не спасет его ничто,
Потому что рук прикосновение —

Самое легчайшее — и то
Смертной на него ложится тенью.
Он в глазах знакомых и родни
Духу антиптичьему сродни
И едва ли стоит сожаленья,
А его оставшиеся дни —
Лишь отсроченный итог паденья...
Впрочем, лишь одною стороною
Всякое повернуто сравненье.
Эти черно-белые черты —
И привычны, и уже не ты,
И единого изображения
На сетчатке не дают глазной,
Размывает все передо мной
Болью отуманенное зренье.
Только память, и никто иной,
Метит настоящею ценой
То, что было видно когда-то
На картинке на переводной:
Мельницы круженье ветряной.
Холодок октябрьского заката.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

Ему ли сетовать, что не восславлен,
Не врезан в поэтический язык! —
Но прежний, а не мне представший лик:
Совсем недавно Пушкин переставлен
И к зрелищу бульвара не привык...

Однако и моя эпоха знаки
Рассыпала на нем со всех сторон.
Здесь, что ни полдень, мог увидеть всякий
Остужева гуляющим с собакой,
Почти такой же старой, как и он.

А чуть подальше, взметена игрою
И замечавшая зевак едва,
Раневская разучивала роли,
Озвучивая жестами слова.

И в бурях века чудом уцелевший,
Как будто вслушиваясь в ритм шагов,
Ступал еще в гражданку отгоревший
И жажду утоливший до врагов,
От молний сабельных полуослепший
И вечно в черном Городовиков.

Он больше не был никому соперник,
В учебниках описанный герой...
За ним брели закатною порой
Татьяна Львовна Щепкина-Куперник
С ермоловскою младшею сестрой...

Так в мире, все выдавшем и не старом,
Еще в начале были мне даны
Живые сколки прошлого страны,
Поэзии, театра и войны,
Объединенные одним бульваром.

ТЕНЬ КРЫЛА

М.М.Л.

1

Словно свет из глубокой пещеры
И разряд грозовой атмосферы,
Превращается знание в знак.
Щебень риска и золото меры —
Вот теперь представляется как!

Но опять затрудняет дыханье
Тяжелеющий воздух прощанья,
Где полшага — последняя цель,
Где поспешность — сестра опоздания,
Где как будто свихнулся апрель!

Это птицы в холодные страны
Потянулись, что вовсе не странно,
Но казалось, еще не пора —
В смутный час между поздно и рано,
На границе утра и добра.

Для сравнений, что нынче не в моде,
Мне заметить хотелось в природе
И потом заучить наизусть
Сожаления тень об уходе
Или просто минутную грусть.

Но увиделось без промедленья
Не старенье, но лишь повторенье
С острым привкусом той новизны,
Что являет собой претворенье,
А не только примету весны.

Этот полдень, застрявший в зените,
Просветляет отдельные нити
И в судьбы совершенный узор
Их сплетение... Нам не продлить и
Не закончить уже разговор.

2

Была земля так траурно бела.
И хвойный запах настигал повсюду.
А после промелькнула тень крыла.
И лепесток на краешке стола
Неведомо откуда.

Я знал, что неизбежен тот отлет.
Но уповал, как водится, на чудо —
На миг отсрочки, на ничтожный год,
Который не замечу, как пройдет,
И поблагодарить забуду.

Как подо льдом стоящая вода
И белизны слепящая слюда
Не очерняют этот мир прекрасный! —
Так мы не оставляем ни следа,
Лишь не подвластный

Законам тени бестелесный свет.
И, понимая, что не очень верю,
Как бы великий приоткрыв секрет,
Мне говорят, что полной воли нет
И, стало быть, невелика потеря.

Однако день пока что не истек.
И я спешу запомнить свой урок —
Благословение и завещанье —
Полупрозрачный кроткий лепесток,
Так неподвижно ясный, как Восток
В своем почти всезнающем молчанье.

3

Предстает глубина высотой,
Если чуть изменяется взгляд.
И растет ощущение покоя
Над вернувшейся в русло рекою.
Значит, кончен разлад.

Так прозрачно забвенье струится,
Искажая видение дна.
И уже не мешают проститься

Все четыре условных границы,
Но осталась одна —

Та, куда мы идем от рожденья,
И не так-то уж путь и далек.
Рассчитавшись за все подаренья,
Не дождавшись к себе снисхожденья,
Он ее наконец пересек —

Ускользающим абрисом дыма.
Но его возвращенье сюда
Непреложно и неотвратимо,
Потому что земля неделима
И вода;

Потому что, идя стороною,
Представляется звук тишиною
На века —
На пороге обычного лета,
И река эта — вовсе не Лета,
Это просто река,

ВЗГЛЯД

Пора — но что-то нет охоты
На все глядеть издалека.
А неизбежные пустоты
Заполнит буквами рука.

Про то, во что вгляделся близко
И вдумался не впопыхах,
Не написать в стихах без риска,
Не меньшего, чем не в стихах.

И не в восторге от союза
Со мной — в такие времена —
Моя медлительная муза
Неговорлива и темна.

Меня она не понукает,
Следя с октябрьским холодком,
Как наше время протекает
Между стихом и нестихом,

ЧАС ТОПОЛЯ

Одолевается птичьим
Раскованным взмахом руки
Провал меж душой и обличем,
Пробел от строки до строки.

И этому жесту в ответ
Очнешься на долю мгновенья
В том мире, где временно нет
Ни смерти, ни даже старенья;

Где разом длинней и короче
Покой, охвативший меня,
И самой беспамятной ночи,
И самого летнего дня;

Где над городской долиной,
И взор застывая и слух,
Как выдох, проносится дух,
Мятущийся пух тополиный.

БАЛЛАДА СЛЕДОВ

Мне думалось, что разом излечусь,
Едва лишь поезд... Нет, не наважденье
Весь этот месяц, прожитый у моря
От линии прилива в ста шагах.
Казалось мне: чуть посильнее ветер,
И выше волны, и немного дальше
Вода, шурша, по берегу взберется,
Как тотчас дом, сухой и просмоленный,
Под парусом немолодой сосны
Качнется и... Однако не сбывалось.

Когда я утром выходил на берег,
То сразу видел множество тройных
Следов — как будто легкими штрихами
Тончайшим острием карандаша
Рука ребенка ночью на песчаном
Листе их в беспорядке разбросала.
И эти знаки сообщали мне,
Что здесь опять разгуливали птицы —
В тот час, когда камнями их побить
Никто не мог, поскольку люди спали.

Я этих птиц не видел никогда.

Однажды, притаясь на берегу,
Решил их все-таки подкараулить.
И не заметил, как переступил
Границу сна. И вскоре их увидел:
Худых, высоких, незнакомых, черных
И белых птиц. Одни из них светились,
Другие поглощали этот свет...
Но сон отнюдь не продолжение жизни,
Не то, что не дожили, видим в нем,
Но то, что не прожить. И я проспал.

А после обнаружил очень близко,
У самого лица, все тот же след,
Как три луча из точечного центра.
Мне в спящие глаза глядела птица
И не боялась спящего меня.
А чтобы этот сон не повторился,
Мне думалось, поможет скорый поезд,
Где не засну всю ночь, на узкой полке
Ворочаясь, и слушая колеса,
И ни о чем не думая... Но вот
Спустя полгода в сотнях верст от моря
Вчерашней ночью вновь почуял близость
Худых, высоких, незнакомых, белых
И черных птиц... А на дворе — зима.
И на ее нетоптаном и тонком
Снегу — все те же четкие тройные
Следы из ниоткуда в никуда.
И это существует непреложно
И где-то близко, но в своем движении
С моею жизнью не пересечется...

Я никогда не видел этих птиц.

УТРО

Рассветная пора была,
Когда очнулся ото сна я, —
И проглянула жизнь иная,
И два забрезжили крыла.

Но ты — подчеркнуто земная, —
Мои деянья и дела
Все дольше и все хуже зная,
Любовь за слабость приняла,

И не могу понять: неужто
Ты удивляешься тому, что
Который месяц, день и час
Покой мне только снится в доме,
Где все благополучно, кроме
Того, что разделяет нас,

КУНЦЕВО

Пространства Москвы предо мной
Не так, как теперь, простирались —
Тогда, когда всею семьей
Мы в Кунцево на выходной
Еще накануне собирались.
А летним жилищем тех пор,
Хоть, впрочем, и не постоянно,
Был дачный Серебряный Бор,
Где наш невысокий забор
Раскачивал бас Левитана,
Сзывавший семью и гостей
На полдничное чаепитье.
В невзрачности внешней своей
Он был не сосед, а событие —
Для нас, повоенных детей...

Дается врасплох и нечасто
На крохотном жизни участке
Увидеть, что произойдет,
На некое время вперед —
И даже свое в том участие.
В те годы представилось мне,
По мере познания столицы,

Как, рвущаяся к новизне,
Она разбухала в квашне
Своей довоенной границы
И перевалила, кряхтя,
Черту заповедную эту,
И тщетно предместья примету
Искать... Лет пятнадцать спустя
Я в Кунцеве делал газету —
И неуловимо погряз
В ее многословном вращенье,
И тратил в неделю пять раз
Не меньше, чем с четвертью час,
И столько же — на возвращенье...

Служебный маршрут знаменит
Лишь тем, что, охваченный дремой,
Не зная пассажир норовит:
Знакомый или незнакомый
Пейзаж за окошком скользит,
В котором по всей по округе
Подобраны вровень и в цвет
Дома без особых примет...

Хоть, может быть, смысла и нет,
Но вычислил я на досуге,
Что было в том замкнутом круге
За девять без малого лет

Полгода потрачено втуне...
Не то что далекой весной,
Тогда, когда всею семьей
Мы в Кунцево на выходной
Сбирались еще накануне!..

ЛИЦО

С. В. Шервинскому

Что остается в памяти листа?
Что помнит он зимой, когда под снегом?
Когда продавлен снег широким следом
И весь подобье серого холста?

Не так уж мало для прозрачной плоти;
Как только уместиться в ней могло
Усилие земли на повороте
К весне, и бескорыстное тепло,

И никуда не годная погода,
Закономерность ветров и дождей...
Вся жизнь его — не больше полугода.
Пристало ль думать дереву о ней!

Его года соизмеримы с нами,
Не совпадая, в пятой стороне.
Лицо коры, бесстрастное вполне,
Отмечено продольными чертами.

И нам завидна эта простота.
Но ничего кора не забывает,
В ней самый слабый след затвердевает,
Касание летящего листа.

СОНЕТ О ПОЭТЕ

Когда случается поэту
Писать, во что не верит он,
Но соглашается на это,
Успеха близостью смущен, —

То песенка поэта спета:
Блюда неписанный закон,
Корыстный стихотворный звон,
Как говорится, канет в Лету.

А вместе с ним и заодно
К забвенью приговорено,
Что было искренне пропетым...

Проста ловушка и стара,
И вроде бы давно пора
Не попадать в нее поэтам,

ВОЗЛЕ ШТОРМА

Почти совсем осенний
Уже отходит свет,
И в нем ни просветлений,
Ни утоленья нет.

Подчеркнуто небрежный
День завершен вчерне
На полосе прибрежной,
С водой наедине,

Где длится скал старенье
И ветер не утих,
Где нужен слух и зренье,
Две пятых чувств моих,

Где у предела странствий
Под лунный метроном
Прозрачен ритм пространства
И возникает в нем,

Как по кремню кресалом,
Предчувствие волны —
Просветом и провалом,
Исчадьем глубины.

Надходит постепенно
Все выше и вольней
Всенарастанье пены
Над темою камней.

Вот-вот замрет мгновенье
И отзвуков игра
На грани откровенья...
Но мне уже пора.

Я позабуду вскоре
Все, кроме одного:
Нет моря, кроме моря,
И шторм — пророк его.

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ДЕНЬ

*Памяти художницы Евгении
Александровны Лана*

Миг прощания настал.
И возникло ощущение,
Что печальный ритуал
Не имеет отношенья
Ко всему, что сохранит
Разум без напоминаний,
Ко всему, что сотворит
Этот, то ли самый ранний,
То ли самый поздний час
Отлетающего года,

Запоздалая свобода
Не ухода — перехода,
Очевидного для нас.
Некто знает очень точно,
Что — потом, а что — сперва?..
Черно-белый, как нарочно,
День. В момент его урочный
Начинаются слова.
Но словам не углубиться,
По льду, поверху скользят.
Их подслушала синица.
Их запомнил снегопад.
Их засыпал снегопад.
Значит, время расходиться —
Разобщенно, стороной
И теперь уже без срока,
Оставляя за спиной
Видимое издалека
Завершённого пути
Ясное успокоенье.
И, на некие мгновенья
Очутившись посреди
Здесьнего гостеприимства,
Постигаю не спеша
Этих чистых слов единство;
Дух. Дыхание. Душа.

ШЕСТЬ БАЛЛОВ

Здесь каждый шаг особенно весом
Средь холодно кипящего отвара.
Мне только перейти бы волнолом,
Черту прямого встречного удара.

А там, за ней, — свободная вода,
Чья высота сравнима с глубиной,
Когда остался берег за спиной
И взлет уже не требует труда.

Единственная, может быть, отрада —
Ничуть не чувствовать себя в плену.
Чтоб вознестись на гребень, прежде надо
Нырнуть как можно ниже под волну.

Какое ни давай ему название,
Словами обозначишь не вполне.
Но в этом поклонении волне
Есть признак равенства. И пониманья.

Есть признак ненаглядной простоты
В естественности всякого движения,
В недолгой жизни капелькой воды
И медленном на берег возвращенье,

Где оступиться — значит быть беде!
Где только память тела остается,
Пока придет пора, пока придется
И посуху пройти, как по воде.

II « ПАМЯТЬ — ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА...»

СТАРИК

Перед большим успокоеньем...
Случевский

Предчувствуя близость покоя,
В последний входя поворот,
Его он отводит рукою
И знает, что не ответит.
Замедленность легкого жеста
Сама за себя говорит.
Он был не из нашего теста.
Но хлеб пригорел и горчит.
Как ни торопился намерднн,
Вгонял себя в трепет и в дрожь,
И как ни хитри и ни медли —

Исчезнешь. Пройдешь. Отойдешь.
Он дудочкой берестяною
В долины других берегов
Готов увести за собою
Всех бывших друзей и врагов.
Ритмичен мотивчик веселый,
А губы усмешка кривит.
Ирония — хлеб нетяжелый,
Особенно ежели сыт.
Вослед миновавшему лету,
Которого скрыт уже след,
Осталось подбросить монету,
Не глянув — орел или нет.

СТИХИ О ВЯЗЕМСКОМ

1826. Ревель

О чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а
все прибывает меня невольно и неожиданно
к пяти ужасным виселицам, которые для
меня из всей России сделали страшное лоб-
ное место.

*Вяземский — к жене, из Ревеля, 20 июля
1826 г.*

Весна была негрозовой
И перешла спокойно в лето.
И запоздалая газета —
Как стая птиц над головой.

Все представлялось откровенней,
Чем в тот декабрьский день, когда
Сгустились в несколько мгновений
Года сокрытого труда.

А впрочем, и до первой пули
Был ясен весь дальнейший путь:
Промедлили. Не посягнули.
Но не могли не посягнуть!

Есть ощущение предела.
И если с этим сладу нет,
Любой поступок — пуще дела,
Пусть даже и себе во вред.

Он — истины иносказанье,
Где вровень слава и хула.
И незаконно наказание
За помыслы, как за дела!

Однако тут же рвет на части
Сомненье, сердцу вопреки:
В твоей ли пребывает власти
Ушедшее из-под руки?

И не по своему ль хотенью,
Без колебаний и затей,
Несем грядущему смятенье,
Решая за своих детей!..

Какому впору поколенью
Противоречья этих дней?
И тем становится видней,
Чем ощутимей отдаленье, —

Вобравший и отдавший свет
Короткий цвет чертополоха.
И безвоздушная эпоха,
В которой слову места нет,

1830. Остафьево

Лета научают строгости в отношении к себе; видя, как мы сами далеки от того, чем должны быть, как мы неполно оправдали обеты, упования молодости своей, мы уже не можем строго судить других... Кто из нас чист не в глазах света, а в своих глазах?

*Вяземский — к Александру Тургеневу,
из Петербурга, август, 1833.*

В том возрасте, когда по правилам эпохи
Пора детей растить, и мыслить с холодком,
И разом отдавать, что получал по крохе,
И не идти за Ариадниным клубком;
В том возрасте, когда, трезвея, слабнет зренье,
Воспитанное на одном впередсмотренье,
Я вижу то, что есть, а больше — ничего,
И, стало быть, не дальше носа своего,
Зато — объемно, четко и несуетливо;
И кажется порой действительность сама
Издержками реалистичного письма,
Старательного и подробного чрезмерно, —
Без ложной скромности, почти наверняка
Творимого не менее чем на века.

В том возрасте, когда, по здравом разумееньи,
Ясна несоразмерность замыслов и дел,
Я, в сущности, не против этого уменья,
Тем более, что им еще не овладел, —
Когда из-под руки выходит все ничтоже
Сумняшеся на жизнь так тщательно похоже,
Что жизни вовсе нет в изображении том,
В гибриде скакуна и всадника с хлыстом,
Который объезжает сам себя в манеже
И мастерства достиг в настойчивом труде;

Сознательно ходить при шорах и в узде —
Непросто, что бы там ни думали невежи,
Не ведающие, что ждет того успех,
Кто обречен к нему скакать прямее всех.

В том возрасте, когда подобную науку
Давно пройти пора за совесть и за страх,
Я очутился, так и не набивши руку
На бойких переводах, книгах и статьях,
И чувствую себя донельзя неуютно —
Затем что вынужден двойиться поминутно
На то, чем должен быть, и то, чем быть хочу,
А двойственная жизнь уже не по плечу.
В том возрасте, когда на все наклеплен ценник,
Житейский опыт мой, который не в цене,
Почти отчаявшись, втемяшивает мне
Заботиться о том, что скажет современник...
Ну, а потомков нелицеприятный суд
Покойники уж как-нибудь перенесут!

1837. Петербург

В России — один Петербург, где можно
найти все удобства жизни; но как там
жить, не продав души... Надобно непременно
приписать душу свою в крепость, а не
то — в крепость.

*Вяземский — к Александру Тургеневу,
из Остафьева, 1828.*

То, что произошло, — непоправимо.
Со всем ушедшим жизни половина
Утрачена — и преодолена.
Но кто же знает — сколько остается?
Так белым днем звезда на дне колодца
Видна, да неизвестна глубина.

Отчетливо границы поколений
Обозначает смерти прямота.
Еще один — и чуть ли не последний —
Уходит, не оставив ни следа

В морозном дне, в его просторе ломком,
Какого слишком много одному...
Бессмертье — назидание потомкам.
Но сам-то знаешь цену и ему!

Праздноглаголен и многоколоннен
Болотный город, каменная гать,
Где выжил только тот, кто не был склонен
Миротворить, мирволить, бунтовать,
Где смыслом и разгадкой тайных знаков
Прямоугольный выглядит размах,
Поскольку образ жизни одинаков
В четырехстах и в четырех стенах.

Дано такое делу направление,
Когда едва не каждый обречен,
Замеченный не то что в противленье,
Но даже в неучастии ни в чем.
Остафьевская помнится опала,
Как воздуха несдержанный глоток.
И нет охоты начинать сначала
Наивный опыт, не пошедший впрок.

В себе самом — вернейшем среди изгнаний —
Удушлива столица — и страница,
Как в бурых пятнах зимние бинты..
Простого проще было б — откупиться
От памяти строкой вос-по-ми-на-ний.
Да миновало время простоты.

1853. Венеция

Россия содержит в себе запас живучести и потому способна ко всевозможным успехам. Если ей суждено погибнуть, она погибнет не иначе, как вследствие собственных ошибок, а не от внешних ударов, которые скользят по ней, не поражая.

Вяземский. «Письма русского ветерана 1812 года».

Два города, как на весах,
На чашках Севера и Юга,
Как отражения друг друга
В пристрастных, пристальных глазах.

Они, конечно, не равны
Годами и судьбой своею.
Но как-то Петербург виднее
Из итальянской стороны.

Повсюду камень и вода,
Без промежуточной породы.
Противоречие свободы
И тяжести — и навсегда.

Их двуединую природу
Крепит предчувствие беды:
Один все глубже входит в воду,
Другой восходит из воды —

В клубах тумана или дыма
Над некогда прозрачным днем,
Дабы затем неотвратимо
Пролиться каменным дождем...

Уже сгущаются ветра.
И значит — отдаленным взором
Оправдывать пришла пора
То, что вчера клеймил позором, —

Не потому, что поумнел,
Но потому, что посторонний
Судить не может о вороньей
Запутанности наших дел —

И так любую знать страну
Сквозь Петербурга нелюдность,
Что на держав несовместимость
Взглянуть — и предсказать войну,

И ведать все, что будет впредь
Под тяжем мачехи-столицы.
За это стоит умереть.
Но нету сил, как говорится...

Осталось разве что одно:
Отнюдь не в поисках признанья,
О прошлом и грядущем знанье
Не разжигать глаголом, но

Писать спокойно, между прочим,
Как и пристало старику.
И жизнь на некий миг короче.
На вдох и выдох. На строку.

1876. Баден-Баден

В старости ищешь не того, что разъедает, а того, что обобщает... Ратовать некогда, да, сдается, и не за что... Таково примирительное действие лет и успокоившегося ума.

Вяземский. «Памяти Плетнева»

Ну, наконец-то, век и был таков!
К тому же сберегла от крайних бедствий
Не то что осмотрительность шагов,
Но только понимание последствий.

Додумал. Дописал. Договорил.
И нет случайного штриха в картине.
«Уж если умереть мне на чужбине,
То лучше здесь, вблизи родных могил...»

Чревата взрывом общая дремота.
Паучий Петербург в углу сети.
И дольше оставаться неохота,
Да все не получается уйти.

Уже сравнялись щедрость бывшей доли
И будущих мгновений нищета.
Пускай не против, так помимо воли,
Хоть после смерти, но вернут туда,

Где проструилась чуть не половина
Тех дней, какие все еще звучат, —
Тогда как современная равнина
Ничем не останавливает взгляд.

Но не винить же время за бесцветье,
Каким, по сути, мало огорчен!

Тебе судьба всучила долголетье
На три эпохи — ты-то здесь при чем?!

При том, что был собою, а не тенью,
Чей голос на границе двух миров
Роняет не слова, но тени слов —
О памяти. О чаше. О забвенье.

ВЫБОР ГЕРОЯ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ К «ПЯТИ ПОРТРЕТАМ»

Вовсе не думая заменять стихами историю русской критики прошлого века, я выделил в ней людей, чаще прочих вступавших в противоречие с современниками и с самими собою. Особенно — с собою.

I

Фаддей Булгарин, быв близок до четырнадцатого декабря 1825 года Кондратию Рылееву и Александру Бестужеву, издателям «Полярной звезды» и поэтам, переправился затем на другой берег — и много лет поучал российских писателей преданности трону.

Объяснить это врожденными трусостью и подлостью — слишком просто, — стало быть, неполно, неверно...

II

Николай Полевой, подвигнутый к выпуску «Московского телеграфа» и поддержанный в том начинании младшими современниками и в той или иной мере воспитанниками Карамзина, писателями-дворянами, спустя несколько лет сблизился с журналами «торгового направления», выступил и против дворянской литературы, и против Карамзина — своею «Историей русского народа».

III

Иван Киреевский, затеяв в тридцатых годах издание «Европейца», после второго номера запрещенного лично императором Николаем I, стал впоследствии одним из ведущих славянофилов, противников «европейского развития» России. Публикация любой его строки встречала множество официальных препятствий. Все же незадолго до смерти он высказал, что думал о жизни литературы под властью Николая, — в частном письме, обнаруженном в архиве и напечатанном уже в наши дни.

IV

Михаил Катков, отъявленный либерал в молодости, вернувшись с учения в европейских университетах, пошел на службу к «сильным мира сего» и редактировал едва ли не самый консервативный из русских журналов — «Русский вестник».

Пожалуй, не было мнения, которое, раз утвердив, он не отрицал бы впоследствии.

Однако именно в его журнале публиковались Лев Толстой и Достоевский. Именно Катков не давал цензуре тронуть у них ни строки, по всякому поводу жалуясь «наверх» — графу Блудову или князю Вяземскому, — доводя цензоров до отчаяния своим скверным характером издателя, ручающегося за каждую строку публикуемых рукописей своим словом и добрым именем.

V

Алексей Суворин, первый в России «промышленник от печати», редактор официоза — «Нового времени», издатель заполонившей страну «Дешевой библиотеки», и прочая, прочая...

Влиятельнейший журналист конца века, с которым приходилось считаться и министрам.

Собранные после его смерти «записи для себя» состав-

вили в пореволюционном издании «Дневник Суворина», полный саркастических портретов и оценок высших сановников России — до Александра III и его наследника, — презрительного отношения к разваливающейся самодержавной государственности и к собственной роли в ее поддержке.

* * *

Каждый из них был по-своему искренен. Тем интересней — кратчайшим путем стиха — разобраться в природе столь контрастной противоречивости.

ПЯТЬ РЕДАКТОРСКИХ ПОРТРЕТОВ XIX ВЕКА

1. «Северная пчела»

Изменник! выскочка! прохвост! —
Каких прозваний не давали!
А он-то был не так уж прост,
Особенно тогда, в начале,
Когда сочувствовал всему,
Что нас к Европе приближало,
Чуть-чуть рассеивая тьму —
От Петербурга до Урала!..

Но резкий маятник часов,
Где казнь рифмуется и слава,
То влево уводя, то вправо,
Заплел его в конце концов.
Не то что уступая силе,
Но, взяв покой за идеал,
Он стал писать, за что платили,
И верить в то, что написал.

Чем выше вера, тем дороже
Строка заботы об одном
Всеобщем благе... Ну, да кто же
Рискнет признаться в чем ином!
Он счел, что от такой удачи
Отказываться не с руки...
Но время разочлось без сдачи,
На чай оставив медяки.

2. «Московский телеграф»

Век таков, что проверяет в деле,
Где смолчавший не бывает прав.
И дозволенного на пределе
Зазвучал «Московский телеграф».

Но издатель, рассуждая здраво,
Одного, как видно, не учел:
Что рискует очутиться справа,
Кто неумоимо влево шел,

Что всего бесспорней и подробней
Не рассудок знает, а нога:
Нет пути короче и удобней,
Чем в объятья лучшего врага.

И хотя он мыслил несогласно,
Вычитавши из Карамзина,
Что стройна постройка, и прекрасна,
И навеки сооружена,

Но лишь в том и выказал бунтарство,
Что переписал событий ход,
Заменяя слово «государство»
На демократичное «народ».

Вера не в природу, а в название,
Он лишь с толку оказался сбит
И невольно укрепляет зданье,
Полагая, что его крушит.

Про себя, и устно, и печатно,
Поспешив родиться лет на сто,
Вряд ли он сказать сумеет внятно:
С кем бороться взялся и за что?

И никто еще не понимает,
Что, сближая быт и бытие,
Третье сословье утверждает
Будущее первенство свое.

3. «Европеец»

Своя пора всему, что суждено.
И главное — не прилагать стараний.
Ведь, что ни говори, ты все равно
Для большинства — из молодых, да ранний!

Пускай тебе виднее, чем другим
Возможность выхода из заблужденья,
Да только неизвестно: нужно ль им
Подобное пронзительное зреньё?

Кому дана особенная статья —
В особенности бесприютно в мире.
А за попытку европейцем стать,
На все вокруг взглянуть как можно шире —

Ты попросту пребудешь не у дел,
Всех без изъятья, в розницу и оптом...
«Четырехстопный ямб мне надоед», —
Признался Пушкин ямбом пятистопным,

Как будто впрямь от этого устал,
Как будто дело в удлиненье слога —
В стране, где запрещен царем журнал,
Затем что пользы будет слишком много,

Где только слову дан — такому — ход,
В котором контур мысли слишком тонок,
Чего и современник не поймет,
Тем более — не разглядит потомок,

Где никаких ограничений нет
Способствующему ограничению,
Где это все спустя немного лет
Объявят потаканьем просвещенью,

Где все же надо находить слова
И фразы доводить до окончания...
Но быть услышанным едва-едва
Через столетье. Да и то случайно.

4. «Русский вестник»

Вчерашнего не признавая посева,
Хотя бы и всходы видать за версту,
Эпоха всегда отклоняется влево
И тем утверждает свою правоту.

Пустая затея — стремиться за нею,
Когда ни за чем не успеть все равно
И лишь наблюдателю станет яснее,
Что сбывшееся не тобой решено.

Пока еще чувствам не задана мера,
Но только избыток, — он был либерал,
Собой подтвердив замечанье Вольтера,
Что сердца лишен, кто не так начинал.

Но, вечным вопросам не видя решения,
Задумавшись вдруг о себе о самом,
Довольно охотно меняют служенье
На службу. И жить начинают умом,

Которому скучно искать оправдания
За холод к общественным вспышкам страстей.
Поэтому он и затеял издание
Различного рода российских вестей.

Высокий чиновник от литературы,
Он с мыслью в ладу и в согласье с судьбой
Был вместе с писателем против цензуры;
За строчки чужие ручаясь собой, —

В отличие от наблюдающих в оба,
Чтоб слово сокрыть в многослойном дыму.
Те книги издаться могли без него бы,
Но все же читатель обязан ему.

Блуждающему своему поколенью
Из противоречий он выстроил дом.
Однако по мудрому, нашему зренью —
Бездарно, когда проявляется в том

Не то чтобы прекраснодушный бездельник,
Но деятель, искренне верящий в то,
Что лучший подарок собаке — ошейник,
Как нищему — тросточка, а не пальто;

И в то, что, ни с чьей не считаясь угодой,
Он просто обязан мгновенью под стать
Себя утверждать с безоглядной свободой
И с той же свободой себя отрицать.

5. «Новое время»

Изрядно цепок и проворен,
Затем что был провинциал,
Он сделал так, что гриф «Суворин»
Едва ль не повсеместным стал.
И знал, что баловень мгновенья,
Смиренник или бунтовщик,
Король общественного мнения
Суть не монарх, а временщик.

А жизнь струилась и кипела,
Так мимолетно хороша,
Что в ней за собственное дело
Он сам не дал бы ни гроша —
Как и за версты строк петитом,
Где полагалось быть ему
И бесконечно знаменитым,
И неизвестным никому.

И разве стоит удивленья,
Что, гладкое со всех сторон,
Провинциальное мышление
Для популярности — закон.
Но время поступает мудро,
Когда возносит и когда
От сочиненного наутро
Не остается ни следа —

За исключением тех нехстати
Тетрадок — господи, прости! —
Исписанных не для печати,
А только б душу отвести! —
Когда и смыслу и закону
Противно и наоборот
По мере приближенья к трону

Все мельче и пустее сброд.
И дело тут не в разоренье
И прочих следствиях войны,
Но в том, что всякое правленье —
Произведение страны.

Неужто вывод так невзрачен
И для такого пустяка
И пыл души, и век потрачен,
А дальше — скука и тоска...
И дальше — больше, дальше — пуще,
В презренье ко всему, что суще,
Пройдут оставшиеся дни.
...А некто тем себя прославил,
Что канарейку петь наставил
«Боже, царя храни...».

БАЛЛАДА ДВИЖЕНИЯ

Дорога просветленна и пряма,
И — по всему, — должно быть, бесконечна.
И медленно меняется ландшафт.
А цель незрима и недостижима.
Закон движенья в том и состоит
И в том его отличие от покоя,
Который сам — и цель, и смысл себя.

Я убедился: некуда свернуть,
Когда у моря пролегает путь,
Где пусто, потому что не сезон,
Где только отдаленный тонкий скрип
Не заглушаем голосом волны,
Затверженным до соли монологом.

И этот явно посторонний звук
Как будто происходит изнутри.
Однако нет — качаются качели,
Едва заметно, но — издавека,
Поскольку сосен безупречен строй
И колыханье светло-серых вод
Так равномерно, что не отвлекает.

С какой-то стати принято считать
Историей лишь то, что за спиной.
Но без оглядки стали мне видны
И легкость тела, и почти полет,
В орнамент ритма замкнутый, — прервать
Никак нельзя, и медный ореол,

Неправильный от скорости... Но ветра
Как будто нет. Стоячий воздух ты
Собою раздвоила. В двух шагах —
Ни дуновенья. Но когда из двух
Один (будь воздух, птица или ты)
Спешит к другому (птица, воздух, ты),
По сути, вовсе безразлично — кто
Из вас летит и кто стоит на месте...

Я точно знаю: где, когда и как
Все это было и куда ушло,
Затем чтоб стать отчетливей и старше
Меня и неизменчивей песка,
Поскольку время все-таки идет
Быстрее нас... Однако я отвлекся.

Осталась птица — та, что улететь
Должна бы первой, но — не улетает.
По воле чайки синяя доска
Качается, как маятник часов,
Которых мне с земли не разглядеть,

Покуда ослепляет циферблат
Лучами стрелок, а когда уйдет
За горизонт, тогда настанет тьма...

И, словно предвещая этот час,
С одной попытки птица создает
Гортанный крик, в котором все о нас
Заключено и обо всем вокруг,
Насколько хватит эха, — и велит
Оплакивать не мертвых, а живых,
От нас отставших где-то по дороге...

НАБРОСОК

Щекочущий воздух пчелиный
Над бурой бестравною глиной
Течет, подобая ручью...
Пусть им не сойтись воедино,
Набросок вернее картины —
Своей незаконченностью.

Так надо ль спешить к завершению,
К исчерпанному постиженью
Любой из окружающих вещей?
А ну как все это некстати?
А ты за него в результате
Расплатишься жизнью своей...

И все-таки прикосновенна
Душа ко всему без изъятья,
И в этом ее существо —
Раскрытое, как для объятья
Мое — до седьмого колена —
С былым и не бывшим родство!

Во днях и годах промедленья
И в том, что не для обозренья
С таким возникало трудом —
Сквозь личные местоименья,
Набросков моих наслоенья, —
Картина проступит потом.

САДОВОЕ КОЛЬЦО

Когда была охвачена страна
Едва ль не самым страстным из желаний —
Все обновить немедля и сполна! —
В благом порыве преобразований
Меняли первым делом имена.

Но и года спустя — по неторопкой
На перемены памяти людской —
Мои соседи звали улицы Покровкой,
Воздвиженкой, Варваркой, Поварской.

Однако оказалось очень скоро,
Что по длине земли и ширине
Воображенье требует простора,
Нисколько не торгуясь о цене.

Вот потому-то, а не ради разрушенья,
Без промедленья должно разрушать
Все, что мешает взгляду и движенью
Или когда-то может помешать.

Но в силу все того же оборота
Доныне всякий старожил зовет
Метро и площадь Красные ворота,
Хоть не осталось и следа ворот,

А путь реалистически серьезный
В символику внезапно занесло:
Пришлось Мещанской начинаться от
Колхозной,
Как бы связуя город и село.

Пора бы оглянуться, углубиться
В прозрачный опыт полувековой,
Затем что каждый — сам себе столица,
И разрушитель, и строитель свой.

И все, что говорится и творится,
Став неизменною, прожитой судьбой, —
Всего лишь контур Сухаревой башни,
Контрастно-четкий, но позавчерашний
И ничего не застывший собой.

МОРЕ. ЖИВОПИСЬ. СТИХИ.

I

Его предки,
шотландские моряки,
осели в России при Петре.
Из Морского корпуса
он вышел накануне

первой мировой войны —
по экзамене в тридцать две дисциплины.
Воевал.
Ходил по океанам.
Жил в Индонезии и Японии.
Потом преподавал в штурманском училище.
В речи не было
традиционно незначительных любезностей,

ни пояснительных периодов:
равно известное обоим
не произносилось — подразумевалось.
Его звали Михаил Ланг.

II

В Москве он познакомил меня
с двоюродной сестрою —
Евгенией Александровной Ланг,
Ученица живописца Мешкова,
она затем занималась
в Дрезденской школе рисунка
и в парижских студиях.

В последний год тяжело болела.
Я звонил:
«Как вы себя чувствуете?»
«Сегодня лучше.
Дважды вставала —
выпить чаю и поработать.
Заезжайте — я хочу вас накормить».

Ее картины — в трех десятках музеев.

В опустевшей квартире
на тумбочке лежал томик Жуковского,
заложенный на «Ундине»,
которую я не дочитал ей.

III

Оставшись одна,
Мария Вега поселилась
в Доме ветеранов сцены,
что на Петровском острове
в Ленинграде.

Этот дом создавала ее крестная —
Мария Григорьевна Савина.
Первое, что увидела, войдя:
в шкафу, за стеклом —
любимые «мелочи» Савиной,
среди них — костяные слоники,
которых в детстве
тем сильнее хотелось поддержать в руках,
что не позволялось.

Она много работала:
готовилась писать о потомке
автора «Вольности» и «Путешествия
из Петербурга в Москву»,
герое французского Сопротивления
Кирилле Радищеве,
с матерью которого много лет дружила.
Закончила книгу о своей бабушке —
знаменитой балерине Мариинского театра.
Составила «Избранное».
Писала стихи.

Позвонила в Москву:
«В понедельник приезжаю. Везу книгу...»
Накануне отъезда попросила друзей
помочь вычитывать рукопись.
Дочитала. Сложила листки.
Внезапно подняла голову —
взгляд ее ушел в пространство,
замер пристально: «Что это?»
Через мгновение ее не стало.

Кончался январь восьмидесятого.
И десять лет моей дружбы с Лангами.

Это было не знакомство — встреча.

ОБРАТНЫЙ СВЕТ

*Прощание с поэтессой Марией Вегой и
моряком Михаилом Лангом*

1

Неожиданной смерти
Никак не привыкну
Бояться.
Слишком поздно узнал я,
Что время прощаться.

Да когда бы и вовремя весть:
Ночью в поезд
Или в самолет на рассвете, —
Все равно не успеть.
Разве можно угнаться
За этим?

Мне тут что-то про возраст,
Утешить хотя,
Бормотали:
Дескать, восемь десятков,
Не то чтобы где-то в начале...

Но каким бы протяжным
Ни выдался век,
У поэта
Остается то, что
Недомолвлено
И недопето.

Потому он из двух вероятностей
Выберет третью:
Лишь на несколько дней,
Безымянных мгновений
Столетия,

Безмятежно легко
На ладонь опустившись
Щекою,
Обменяет бессмертье,
Этот вялый синоним покоя...

Впрочем, эти слова
Только в строчках
Хоть что-то там значат.
Вроде было задумано верно,
Да вышло иначе.

И довольно удобно
Ссылаться
По праву бессилья,
Что в последнюю встречу
Про то, что хотел,
Не спросил я,

Что каким-то путем
Я и эту восполню
Потерю,
Что отвечу себе самому
И догадку проверю,

Что, хоть вера подобная
Выглядит несовременно,
Наша встреча
Теперь отодвинута,
Но неотменна, —

Потому что,
Когда расстояние
Нам не помеха,
Неужели же время
Препградой станет
Для эха?

Аквариумный просверк
Бесшумного трамвая.
Да снегу намело сверх
Положенного края.

Вниманием задеты
И вовсе не зловещи
Случайные приметы,
Обыденные вещи.

Так по свиданьи сразу
Неясно, что была в нем
Незначащая фраза,
Которая — о главном,

Что слово плотью стало
И пребывало с нами
В предчувствии металла
Всей кроной и корнями...

Подробности понятны
Всегда из отдаленья,
Откуда свет обратный
Раздваивает зренья,

Где все в едином тоне
И на одной ступени
И в прошлое ничто не
Отбрасывает тени.

Не в этом ли причина
Картин, скользящих мимо?
Но точная картина
Невоспроизводима.

А впрочем, что есть точность,
Когда не мысль и слово,
Изведавшие прочность
Искусства словолова, —

В сравнение с однодневкой,
С бытием полузаконным
В дому над Малой Невкой.
Второй этаж. С балконом.

3. Из разговора

— К чему воспоминания? Они
Нас вынуждают проживать вторично
И в третий раз — чем дальше, тем тусклее, —
Что истинным бывает лишь во-первых
И больше не в-которых, а иначе
Останешься без прошлого...

— Когда
В былое бросишь взгляд, а не оглядку,
Не лучше и не хуже, просто взгляд,
Как всякий из возможных, то причины
И следствия меняются местами
Без внешнего усилия и труда.
Грядущее привыкли понимать
Как результат минувшего, искать
И как бы находить закономерность,
Связующую то, что происходит —
И что произойдет, теперь на выбор
Возьми одно из двух: ты был не прав
Тогда или отныне стал...

— Конечно.
Едва ли кто не убеждался в том,
Что мы из каждой следующей точки
Иначе видим прошлое, причем
Не только собственное, но и то,

Что завершилось вроде бы до нас.
У прошлого над будущим нет власти.
Напротив — демонстрирует оно
Готовность к измененьям...

— Но не только,

Век нынешний таков не потому,
Что некогда происходило нечто,
Его предвосхитившее. Отнюдь.
Когда есть смысл во всем, что было прежде,
Он в том, что должен наступивший век
Стать тем, что есть. Когда судьба диктует
Нам строчки, и поступки, и любовь,
Все это слышится из послезавтра,
Но никогда не из позавчера.
Когда вы встретились впервые с ним,
С моим, с любимым, нет, не то, но все же
Вы сразу поняли, что он крылат...
— Не понял, а увидел...

— Да, но крыльев

Уже никто не различал...

— Неважно.

В конце концов, что может значить зренье
В сравнении с прозреньем! Их размах
Живым дыханьем неподвижность неба
Однажды прочертил — и навсегда.
Того, кто в мире был и кто ушел,
Привыкли мы считать моложе нас,
Но это — заблуждение: счет один
Протянут в наши дни со дня творенья, —
Чем дальше от него произошел,
Тем, стало быть, моложе...

— Мысль верна.

Лишь этим и отличны поколенья.
А в остальном у них единый путь,
Которого не уклониться. Пусть
Не так моя задача решена,

Я по догадке выведу ответ,
Который может с будущим случайно
Совпасть... Итак, сначала будет свет.
Потом — стихи. И лишь потом — молчанье.

4

Выходя из крошечной тени,
Потянулись новейшие дни
Послезавтрашнего значенья —
Как строенье в решетках стропил.
Между тем и апрель наступил,
Но земле не принес облегченья.
Только ветер весенней поры
Просквозил проходные дворы,
Только проблески света остры
Да безлистая ветвь холодеет;
И неведомо, сколько ей ждать
В разделенности — год или пять?
Будто можно хоть что-то отнять
У того, кто ничем не владеет!

5

Открывается немного
С опозданием значенье
Хлесткого, как вспышка, мига
Пограничного покою:
«Не разрыв — соединенье!
Не с землею — а с тобою!»

Это потому случится,
Что поэт всегда не в хоре,
Что идет себе не в ногу
И разламывает книгу
На загаданной странице:
Тёрнер. Похороны в море.

Обрастая событиями, тяжелеет столетье,
Замедляет движенье. Однако в решающий час
Подлежит отрицанью лишь то, что бывает на свете.
Ибо прочее не вызывает сомнений у нас —

Потому что оно одному отвечает условию,
По которому все, что внутри и вокруг разлито,
Все, что жизнью зовется, приемлется только любовью,
Без которой деянье, и знание, и вера — ничто.

Начинается явью она, а кончается тайной.
И в момент перехода, помедлив меж ночью и днем,
Отразится сполна в одиночества грани кристальной
Мюнстерского аббатства готическим, острым огнем.

И тому, кто остался, становится вдвое теснее
Видеть и торопить окончанье двойного труда.
И, живя среди нас, все уходит, уходит за нею...
До свиданья. До завтра. До будущего. До всегда.

Традиционный — на семи холмах! —
Был город славно выбелен для встречи,
Когда полынный привкус на губах
Возник и стал примешиваться к речи.

А более ничто в ту пору мне
Не предвещало приближенья вести.
И дочь с постылым ранцем на спине
Брела через недавнее предместье..

И не происходило ничего
Такого, чтобы стоил узнаванья -

Прохожий, и отдельно от него
Клубилось облако его дыханья.

И я для встречных просто был живой —
Как и растение, и река, и птица.
И только позже выпало впервой
Все высказать — и не освободиться

От чувства, что рассудку вопреки
Оспаривает у земли земное,
От звука незаконченной строки,
Ни от того, что прямо надо мною

Для взгляда слишком небосвод глубок!
Там, сыпля искры на мою дорогу,
Двойной звезды горчащий огонек
Дробится, отдаляясь понемногу.

НАД МЕМУАРАМИ БЫЛОГО ВЕКА

Незабвенною порою,
Как и следует герою,
Ни один не отогрет,
Купны или одиноки,
Жили, отбывали сроки
Лучших лет и худших лет,
А в стихах своих негромких
Бормотали о потомках:
Мол, отыщут их в потемках
Да и выведут на свет!..
Впрочем, и такая малость
Далеко не всем досталась.
Но посмертно оказалось,
Что у них полно друзей —

Неизменно бывших рядом
Бдительным бессонным взглядом,
Не затронутых распадом,
Целый восковой музей
Памяти, песочный замок —
Безвозмездно верных в самых
Безнадежных временах...
Ошибаясь в именах
И перевирая даты,
Города или цитаты,
Как бы не хотя оплаты,
Просто на руку легки,
Воздвигают мемуары,
Как трехъярусные нары
Или банные полки!
Не всегда выходит ловко,
Но спасительна сноровка
Все оправдывать одним:
Тем, что это говорится
Не от имени провидца,
Но по праву очевидца
Прошлого считать своим!..
Бог не дай и мне обречь
Эту жизнь в такую память,
Где случайная черта,
Проскользнувшая невзрачно,
Так важна и многозначна
И не значит ни черта!

ЗАПОЗДАЛАЯ БАЛЛАДА

Дверь отперта. Переступи порог...

Волошин

На переломе года к холодам
Найду мгновенье, чтобы оглянуться —
И разглядеть среди чужих свои
Следы — и на земле, и над землею,
На высоте, немыслимой для птиц
И не всегда покорной самолетам,
Где издавна хватает только слову
И воздуха, и неба, и крыла...

И тотчас угадаю — и увижу,
Минуя все провалы и пустоты,
Заполненные временем и светом,
Утратившие ошупь, цвет и звук, —
Июль в Крыму. Расплавленные горы
Стекают в море. И вода вскипает
У их подножий пенами приливов.
И жаждущие трещины земли.

Здесь все как бы двойными зеркалами
Раздроблено на сотни отражений —
Больших и малых, близких и далеких.
Здесь дом на берегу, где сорок лет
Прошли, как сорок дней, и даже меньше,
Откуда отлучился ненадолго
Хозяин легкой поступью пастушьей —
На триста лет. А может — на пятьсот.

Но все равно дотоле доживет
Вот этот камень, двойником сошедший
На край земли. И перемены в нем
Не обнаружить быстрым нашим глазом.

Так мы не видим, как растет трава,
Как в небо возвращается, обжегшись,
Короткий дождь, чтоб снова облаками
Пройти над нами прямо на восток.

И не способен наш неровный слог
В ограничении четырехстенном
Отобразить спокойствие дорог,
Раскрепощенных звездным тяготеньем, —
Пока никто из нас не превозмог
Сквозь камень прорастающим растеньем,
Вначале бестелесным и бестенным,
Всей тяжести его нещадных строк!..

Ну, вот и все. Пора. Оцепененье
Рассеялось. И так же, как всегда,
Беспрекословен поворот планеты.
Но знаю: непременно проживу
Еще единожды, еще однажды
Вот этого июля эти дни,
Где не застал ни отзвука ветров
В мое богатое ветрами время —

Которого никто не выбирает
Ни для рождений, ни для откровений,
Ни для смертей, ни для смятенья духа!
И видит бог — я не спешил сюда,
Но опоздал случайно, безнадежно.
И угадал, и угодил в межзвучье.
И неотступна внятная тревога:
Он что-то мне сказать хотел... Но — что?

СТРАХ

Не странно ль, что в былые времена,
когда огня страшились много больше,
чем ныне опасаются, пожары
происходили чаще и страшней!..
Конечно, поглядев из наших дней,
причину от причины взяв отдельно,
возможно объяснить умно и дельно,
что было дерево привычней камня
в строительных работах, что громо-
отвод недавно создан, что беспечность
подчас бывает лучшею защитой,
чем бдительность, что истинная слабость —
лишь та, которая знает, что слаба..
Все верно. И однако же слова
едва касаются самой природы страха,
теряются, лишаются размаха
и главное обходят стороной..
Какой ни окольцуй себя стеной,
сквозь все пройдет, дабы тебя достигнуть,
незримый луч, как нитку за иголкой
влекущий за собою все, что волю
парализует. Страх и только страх —
исток и устье, альфа и омега
всех наших бед и всех стихийных бедствий,
дурных начал и губительных последствий,
ночей бессонных и бессильных дней..
Чем ярче страх события — тем верней
произойдет оно. Давно знакома
неумолимость этого закона.
Прими его — не бойся ничего:
без видимых бесстрашья и бесстрашья,
которые равно и купно лживы,
но лишь затем, что мы покуда живы
и поживем еще, скорей всего...

Едва ли что случится хуже смерти,
а неизбежного страшиться глупо —
как снег и стужу проклинать зимой,
как вечно тосковать, что жизнь проходит,
что жизнь пройдет, что ничего не будет —
меня с тобою и тебя со мной.

ДВА АРБАТА

Словно прислушиваясь к уходящим в былое раскатам,
Не торопилась вернуться к привычному пульсу Москва.
Так привелось, что она для меня начиналась Арбатом,
Тюркскою примесью в речь с неизменно растянутым «а».

Нынче зовут его Старым. И это как бы означает —
Время глядеть свысока... Но пронзительным светом
своим
Память — волшебная лампа — его иногда освещает
И не дает до конца затеряться в соседстве с другим —
Тем, где себя никогда не удастся почувствовать дома.
Где — современному стилю нисколько уже не с руки —
Стал неприметен огромным казавшийся Дом
Моссельпрома,
А переулки тихи, потому что движенью мелки.

Все нетерпением влечется. И все оправдаться готовы
Этим же чувством, как будто не в нас оно, а в стороне...
Только вот дочь моя маленькою хочет сделаться снова,
Но с непременным условием — чтоб в тон измениться
и мне.

Одноименных двух улиц все явственнее разделенье,
Словно бы разным они поколениям принадлежат.
И преуспевший проспект не пытается скрыть удивленья,
Что для кого-то единственным так и остался Арбат.

ОПРАВДАНИЕ ПРЕДЧУВСТВИЙ

Оправдание предчувствий — всегда не ко времени,
Сколь ни готовься и жди:
Как рождение, болезнь или смерть,
Как сознание, что нет ничего впереди, —
Настает, не приемля
Каких бы то ни было выкладок и возражений.
Отступая от некогда общего мира
И каждый замкнувшись в своем,
Выяснять отношения? —
Надеюсь, до этакой пошлости мы не дойдем.
Если надобность есть — выяснять,
Значит, в сущности, нет никаких отношений.

Из такой переделки, как эта,
Никто еще не выходил невредим,
Угодивший в нее вдалеке от расцвета
И невдалеке от седин:
На холодное дул чуть не до одуренья,
Когда на горячем обжегся...
В математике будучи с детства не слаб,
До сих пор объяснить не берусь:
Коли минус умножить на минус,
Откуда в итоге является плюс?
Если что-нибудь и привлекательно в этом,
То разве что дух парадокса.

Или это загадочное
И вполне человеческое свойство нуля:
Что угодно в ничто превращать,
На себя перемножа или разделя, —
Раз принявши на веру,
Его я себе никогда и на миг не представил...
Но доподлинно знаю одно —
И тебе говорю, что стоит на крови

Эта вечная жизнь, где ничто
Не имеет значения, кроме любви,
Осеньяющей и позволяющей стать
Исключением из всяческих правил.

НАТЮРМОРТ

Вот этот стол, и ветки на окне,
И лампа, и стакан с карандашами
Всегда изображают послушанье.
Однако не всегда подвластны мне.

Вот это окружение людское
Живых связует с миром неживых.
Любое отклоненье от покоя
Подчеркнуто незыблемостью их.

Сравнительно легко проверить это,
Достаточно, пожалуй, одного:
Составить описание предмета,
Тем самым отказавшись от него.

Но верность общему изображенью,
Быть может, даст понятие о стране,
Где их подбор, порядок, положенье
Так много сообщают обо мне!

И по спокойному соображенью,
Которым освещен любой предмет,
Показ их во взаимном напряженье
Вполне способен заменить портрет.

И все ясней становится и резче,
Что, внешний облик вроде бы храня,
Уже ни для кого вот эти вещи
Не будут значить то, что для меня.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Словно под ноги стекло
Бьется звонко и прозрачно,
Что со мной произошло —
Буднично и однозначно.
И терзаться не с руки,
Если обнажился повод
Изорвать черновики
И спустить в мусоропровод,
Вслушиваясь, как шуршат...
А за ними, вслед за ними —
Что пятнадцать лет назад
Сочинял тебе во имя.
Листья прозы и стихов,
Что отмечены тобою,
Поглощаются трубою,
Так сказать, без дураков.
С тем, что некогда звучало,
С тем, чем был когда-то жив,
Что в осадок выпадало
И составило архив,
Расстаюсь без проволочки
И без помощи огня,
И опаски нет, что строчки
Восстановят без меня.
То, что прежде брал помногу,
Да не стало сил нести,
Наконец-то, слава богу,
Умещается в горсти.
Что могла стерпеть бумага —
Отлетает вместе с ней
В день вчерашний, в мир теней...
Бог не дай такого блага! —
Чтоб когда-нибудь опять
В лучшем виде все устроить...

Правда, что ломать —
Не строить.
Много сладостей —
Ломаты!

НАКАНУНЕ

Ощущенье все менее остро,
Что потрачено время зазря.
Это — не замедление роста.
Это — просто канун сентября.

Совершается преображение,
Где на многие сотни шагов
Составляют мое окружение
Равномерные трели сверчков.

Это горы светлеют на склонах
И виднее тропа на просвет.
Даже в зарослях вечнозеленых
Ничего неизменного нет.

Не противится мягкая хвоя
И на убыль спокойно течет...
То, что мы соотносим с собою,
Есть весьма приблизительный счет.

Потому-то и без огорченья
Промелькнувший беспamięтно год
Вдруг особого полон значенья
На исходе глазам предстает.

Эта долгая пристальность взгляда,
Как навязчивый поиск родства
В подступивших часах листопада,
О которых не знает листва...

Но вот-вот превозможет различья
Между мной и природой самой
Непременное, словно бы птичье,
К холодам возвращенье домой.

* * *

Вот уже неделю не светает.
Кучевые облака вырастают
В рябоватый глянец мостовой.
Грубо размывая дождь по стеклам,
Лето обещает быть неблеклым —
И клянется темною листвою.

Что сейчас предсказывать напрасно,
Послезавтра просто и прекрасно
Объяснится в прошлом. А пока
Выдают растерянность ученых
Толкованья об антициклонах,
Дальнего капризах ледника.

Это только кажется порою,
Что свободен властвовать собою,
Если знаешь: что там, впереди?..
Да и то подумать — как непрочно
Все, что совершается нарочно,
А не происходит, как дожди!..

В основанье всякого порядка —
Вовсе не разгадка, а загадка,
Занавешенный от взгляда свет.
Но не покидает искушенье
Угадать по тени приближенье —
И назвать, чему названья нег.

СОДЕРЖАНИЕ

I. «КАКОГО ЦВЕТА МОРСКАЯ ВОЛНА?..»

«Чем отмечен стих, дабы служил начальным...» . . .	5
Март	6
Вода	7
Больница	8
Тропа	9
Вечер	9
На вырубке	11
Закат	11
Метро: «Сокольники» — «Парк культуры»	12
Цвет	13
Прилив	14
Зеркало	
1. «Мы дорожим одним текущим днем...»	14
2. «В послушливой памяти что ни храни...» . .	15
Лес	16
Баллада перелета	17
Перед зимой	18
Баллада рисунка	19
Сходство	20
Пять стихотворений о несостоявшемся путешествии	
Порыв	21
Двойник	22
Праздник	
1. «Пока не начался рассвет...»	23
2. «А что же дальше? Ничего...»	24
После	25
Эхо	26
Спустя полгода	27
Терпенье	28
На тему Дон Кихота	28

Тверской бульвар	29
Тень крыла	
1. «Словно свет из глубокой пещеры...» . . .	30
2. «Была земля так траурно бела...» . . .	31
3. «Предстает глубина высотой...» . . .	32
Взгляд	33
Час тополя	34
Баллада следов	35
Утро	36
Кунцево	37
Лицо	39
Сонет о поэте	39
Возле шторма	40
Черно-белый день	41
Шесть баллов	42

II. «ПАМЯТЬ — ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА...» . . .

Старик	44
Стихи о Вяземском	
1826. Ревель	45
1830. Остафьево	47
1837. Петербург	48
1853. Венеция	50
1876. Баден-Баден	52
Выбор героя. Путеводитель к «Пяти портретам»	53
Пять редакторских портретов XIX века	
1. «Северная пчела»	55
2. «Московский телеграф»	56
3. «Европеец»	57
4. «Русский вестник»	58
5. «Новое время»	60
Баллада движения	61
Набросок	63
Садовое кольцо	64
Море. Живопись, Стихи	65

Обратный свет	
1. «Неожиданной смерти...»	68
2. «Аквариумный просверк...»	70
3. Из разговора	71
4. «Выходя из крошечной тени...»	73
5. «Открывается немного...»	73
6. «Обрастая событиями, тяжелеет столетье...»	74
7. «Традиционный — на семи холмах!..» . .	74
Над мемуарами былого века	75
Запоздалая баллада	77
Страх	79
Два Арбата	80
Оправданье предчувствий	81
Натюрморт	82
Без названия	83
Накануне	84
«Вот уже неделю не светает...»	85

Вадим Гершанович Перельмутер

ДНЕВНИК

М., «Советский писатель», 1985, 88 стр План выпуска 1985 г.
№ 214.

Редактор Е. Л. Храмов. Худож. редактор Д. С. Мухомин. Техн. редактор И. М. Минская. Корректор Б. Ш. Котт.

ИБ № 4682

Сдано в набор 14.08.84. Подписано к печати 21.01.85. А07856.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 3,85. Уч.-изд. л. 3,45. Тираж 10 000.
Заказ № 10567. Цена 35 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11. Типография издательства
«Коммунист», 410002, г. Саратов, ул. Волжская, 28.

Гл

